

Мария Метлицкая

Удачный день

Часть сборника
Обычная женщина, обычный
мужчина (сборник)

Мария Метлицкая

Удачный день

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Метлицкая М.

Удачный день / М. Метлицкая — «Эксмо», 2016

«– Я не понимаю, что тебя так напрягает, – сказал Дементьев и затянулся сигаретой, искусно выпуская в потолок тоненькие колечки дыма и с любопытством наблюдая за ними.– Ну, да, – ответила Светка. – Слушай, не строй из себя идиота! – зло добавила она, снимая с плечиков оставшиеся вещи и бросая их в чемодан.– А по-моему, все по чесноку, – спокойно продолжал Дементьев...»

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Метлицкая М., 2016
© Эксмо, 2016

Мария Метлицкая

Удачный день

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Я не понимаю, что тебя так напрягает, – сказал Дементьев и затянулся сигаретой, искусно выпуская в потолок тоненькие колечки дыма и с любопытством наблюдая за ними.

– Ну, да, – ответила Светка. – Слушай, не строй из себя идиота! – зло добавила она, снимая с плечиков оставшиеся вещи и бросая их в чемодан.

– А по-моему, все по чесноку, – спокойно продолжал Дементьев.

– Что – «по чесноку»? – взвилась Светка. – То, что ты выгоняешь меня на улицу среди зимы, зная при этом, что мне совершенно некуда идти?

– Светунь, твои проблемы, – ласково отозвался он. – Уговор дороже денег.

– Какой уговор? – Светка от возмущения и обиды с размахом плюхнулась на диван. – И это ты называешь уговором? Выкидывать меня на улицу в девять часов вечера?

– Уговор, – уверенно кивнул Дементьев. – Конечно, уговор. И сволочью, кстати, я абсолютно себя не чувствую. Я предупредил тебя заранее. А ты что думала – рассосется?

– Заранее – это вчера, Витя. Это – очень даже заранее. Я не успела ни комнату снять, ни устроиться. Ты еще убеди меня, что это все по-человечески и гуманно. Просто у тебя так свербит, что ты даже не пытаешься сохранить лицо.

– Не так, – Дементьев мотнул головой. – Просто я не знал, что она приедет сегодня. Ты же сама видела телеграмму.

– Ну и что? – опять закипела Светка. – Ты бы мог, в конце концов, пару дней пожить с ней у приятелей. У Марка, например. А я бы ушла по-человечески. А не так – на вокзал.

– Не преувеличивай, – отмахнулся он. – Ну какой вокзал? Езжай к Аньке или к Лариске. Приютят.

– Ну, ты и гад, – тихо сказала она. – Ты же знаешь, что у Аньки маленький ребенок и комната в коммуналке. А Лариска сама в общежитии на птичьих правах. Не сегодня завтра вылетит. Так что остается только вокзал. – И добавила: – А ты спи спокойно. Или не спокойно – пылай в огне страстей.

– Свет, плохо, когда человек не помнит добро, – сказал он. – Было джентльменское соглашение: ты живешь здесь до той поры, пока я не решу жениться. Не фиктивно – заметь. – И он поднял указательный палец. – Я же не мог предполагать, когда это случится, – обиженно заключил он. – Я объяснил Оле все как есть. Рассказал чистую правду – про наш уговор, про то, как я тебя выручил. Фактически спас. Про то, что брак фиктивный, и про то, что мы с тобой просто старинные институтские друзья!

– А ты не забыл сказать своей Оле, что ты четыре года спал со своей фиктивной женой и старинной подругой? Что вы делили последний полтинник на двоих и ставили друг другу горчичники во время болезни? Что твоя фиктивная жена стирала тебе трусы с носками и варила борщ? – почти выкрикнула она.

– Нечестно, – проговорил он. – И даже подло.

– А, это ты о подлости заговорил! – рассмеялась Света. – Правильный ты наш и честный! – Она с силой захлопнула крышку чемодана. – Да, кстати. У твоей невесты злые глаза. Злые и пустые. Так что смотри не влипни. Знаю я этих девочек-ромашек с косами до попы.

– Ревнуешь? – искренне удивился он.

– Предупреждаю, – усмехнулась она. – Знаешь, женская интуиция. И большой жизненный опыт.

– Это – да! – с иронией согласился он.

Света взяла чемодан и поволокла его в прихожую. Там она надела сапоги, накинула куртку и шарф и дернула входную дверь. Чемодан был тяжелый и громоздкий, она еле втащила его в лифт. На улице было минус пятнадцать и монотонно подвывала метель. Света вышла из подъезда, села на чемодан и разревелась. «Господи! Какая же я дура! – подумала она. – Как я могла на что-то рассчитывать и надеяться! Ведь все было ясно с первого дня. Ему просто так было удобно до поры до времени, только и всего. А сейчас эта пора и это время подошли к концу. Просто кончились. И вот итог. А теперь – пропадай, безмозглая дура, со своими надеждами и любовью. И пропадешь, не сомневайся. Кому ты нужна? Даже себе – не очень».

Она куталась в шарф и утирала горячие, злые слезы.

Дементьев пошел на кухню, поставил чайник и посмотрел на часы: до поезда оставалось два часа. Он сделал себе два бутерброда – с сыром и ветчиной, положил в кружку три чайные ложки сахара, медленно размешал его и начал пить. Чай был ароматным, сыр – свежайшим, ветчина – восхитительной, со «слезой». И надо сказать, от всего этого процесса он получил огромное удовольствие. Потом он убрал со стола, тщательно вымыл кружку и нож, заглянул в холодильник и удостоверился, что роскошный эксклюзивный шоколадный торт, сделанный к Олиному приезду на заказ, ждет своего часа в холодильнике. Напевая, он надел дубленку и шапочку-петушок, влез в «луноходы» и, насвистывая, вполне довольный, вышел из квартиры, чтобы поехать на вокзал. Совесть его не мучила.

Светка тоже поехала на вокзал – знакомый Курский: девять лет назад приехала на него из маленького городка на Азовском море. Решила, как говорила бабушка, ночь с бедой переспать. Короче говоря, утро вечера мудренее. Да и вообще, жизнь, судя по всему, кончатся на этом не собиралась.

Дементьев предусмотрительно купил у метро цветы – на вокзале они, разумеется, в разы дороже – и поехал на Киевский. Поезд с его невестой – а он твердо решил, что Оля станет его женой, – приходил именно на Киевский, через сорок минут. На метро – в самый раз. А уж домой придется ехать на такси – столичному жителю, а тем более жениху, нельзя терять лицо.

Света нашла место в зале ожидания, и это уже было счастье. Потом она купила стаканчик горячего кофе и булочку с изюмом, и все показалось ей не таким ужасным – она, в общем-то, была оптимисткой.

Ко времени Дементьев стоял на перроне с букетом бледно-розовых гвоздик и нервно поглядывал на часы. Наконец, как из преисподней, показался медленный, ворчащий поезд. Он подобрался и почувствовал какую-то несвойственную ему доселе тревогу. Поезд два раза дернулся и, фырча, остановился. Минут через пять он увидел Олю в окне – огромные, испуганные глаза вполлица, коса, перекинута на грудь, и руки, нервно теребящие косынку. Он выпрыгнул в вагон и бросился к ней. Она выскочила из купе и крепко прижалась к его груди. Они замерли, а люди, недовольно покрикивая, толкали их в спины. «Дура Светка, – подумал он. – Завистливая и злобная дура. Лучше Оли никого нет на свете. И я буду счастлив. Обязательно и непременно». Он взял ее в охапку, подхватил маленький чемодан, и они вышли из душного вагона. На стоянке такси, как всегда, была огромная очередь. Дементьев прошел немного вперед и поймал частника на раздолбанных «Жигулях». До дома долетели за полчаса. Он открыл дверь квартиры, и она замерла на пороге, боясь войти.

– Заходи, – засмеялся он.

Она замешкалась и робко переступила порог. Он снял с нее пальто и крепко обнял за плечи.

– Заходи, – повторил он. – Ты здесь хозяйка.

Она улыбнулась и заплакала.

– Давай попьем чаю, а потом будем обустриваться, – предложил он.

Они прошли на кухню, он достал из холодильника роскошный торт. Она с прямой спиной села на табуретку и замерла.

– Ну, хорошо, – улыбнулся он. – Сегодня хозяйничаю я. А завтра, уж извини, приступишь ты. К своим прямым обязанностям.

Она сглотнула слюну и молча кивнула.

Они долго пили чай, и он умилялся, как она наливает его в блюдце и, вытянув губы трубочкой, осторожно дует, чтобы остыл.

Потом они разбирали ее вещи. Он освободил несколько полок в шкафу – и наткнулся на Светкин лифчик. Быстро сжав его в кулаке, со злостью выбросил в помойное ведро. «Ведь нарочно, гадина!» – подумал он.

Оля аккуратно развешивала свои немудреные наряды. Перехватив его взгляд, она покраснела.

– У вас, такое, наверное, уже не носят, – вздохнула она.

– Купим новое, не переживай, – улыбнулся он.

Она густо покраснела.

Наутро, когда он вышел из ванной, на столе стояли стопка блинов и стакан молока.

– За блины спасибо, – усмехнулся он. – Правда, я на завтрак пью только кофе с бутербродом. Так что ты особо не напрягайся.

Она села на стул и заплакала.

– Дурочка моя, – сказал он и чмокнул ее в макушку. – В общем, разбирайся. Хозяйничай. Вернусь вечером. И чтобы был ужин, – с шутливой строгостью добавил он.

Оля испуганно кивнула. Дементьев вышел из подъезда, немного постоял на крыльце и с шумом вдохнул острый, морозный воздух. Никогда он не чувствовал себя таким счастливым.

* * *

Со Светкой они учились в параллельных группах. Она пользовалась большим успехом у однокурсников: высокая, длинноногая, с густоющей гривой роскошных пепельных волос. Картину немного портил острый и длинноватый нос, за это ее немилосердно прозвали «Буратино». Она вовсю крутила романы – поговаривали даже, что с замдекана факультета. Но, возможно, это все были сплетни. Светка считалась на факультете личностью одиозной. Кавалеров было море, а вот замуж никто брать не спешил. Был один потенциальный женишок – Славик Кулкин, хилый, очкастый «ботаник». Близились распределение. Светка до обморока боялась оказаться в какой-нибудь глуши – с таким трудом выбралась из своего Мухосранска. Была согласна даже на Славика. И Славик повел ее в дом – знакомиться с матушкой. Матушка оказалась умнее великовозрастного сына и Светку раскусила моментально. Минут десять она наблюдала за тем, как Славик трепетно держит Светку за руку, а та вырывает руку и широко зеваает. Умная маман предложила Светке покинуть помещение без всякой надежды на возврат. Светка с трудом пережила этот облом. Времени до распределения оставалось совсем мало. Дементьев увидел ее, рыдающую, в курилке. Она прикуривала одну сигарету от другой и громко сморкалась в большой клетчатый платок.

– Не прет? – сочувственно спросил он.

Светка посмотрела на Дементьева со злостью.

– Пойдем куда-нибудь посидим, – благородно предложил он. – Кофейку попьем или, там, винца. Ты только умойся, а то подумают, что я злодей, не хочу жениться на беременной девушке.

– А ты женись на небеременной, – невесело усмехнулась Светка.

– Да запросто, – в тон ей ответил Дементьев.

Светка внимательно посмотрела на него:

– Только имей в виду: денег у меня совсем мало. Мамка выслала все, что за лето с курортников собрала.

– Свои люди – сочтемся, – рассмеялся он.

О деньгах он как-то не подумал, но это явно подняло ему настроение.

Они пошли в кафе напротив института – любимое место всех студентов. Взяли бутылку сухого белого, две чашки кофе и бутерброды с сыром. Светка с жадностью набросилась на бутерброды. «Голодная», – с жалостью подумал Дементьев.

Ему всегда было жалко этих неприкаянных приезжих: жуткие условия в общежитии, столовая-тошнеловка, в комнатах ни телевизора, ни холодильника. Из душа течет тонкой струйкой ржавая вода. На этаже вечно засоренный сортир. На грязной кухне из трех плит работают две конфорки. Стирают в тазах, белье сушат на ржавых батареях в комнате. В общем, жизнь у этой бедной лимиты не сахар. Конечно, некоторые устраивались попримечнее – кому-то обеспеченные родители присылали денег на съем квартиры или хотя бы комнаты, кто-то успевал выйти замуж за москвича – из корысти или по большой любви. Возвращаться на историческую родину почему-то никому не хотелось. Все стремились зацепиться в Москве. Кому-то везло, а кому-то не очень. Светка была явно из последних.

Они сидели в кафе, пили вино и трепались о жизни.

– Женись на мне, Дементьев, – жалобно попросила Светка. – Женись, а то я пропаду. И это будет на твоей совести. – Она жалко улыбнулась.

– А цена вопроса? – паясничал он.

Светка назвала сумму. Он прикинул: вполне хватит на подержанные «Жигули». В общем, ударили по рукам. Но договор был такой – деньги платятся за прописку. Жить можешь тоже – пока. Вдвоем выживать в этом мире проще: пополам квартплата, питание. Но до поры до времени, пока не случится судьбоносная встреча – у Дементьева, разумеется, – и он не решит привезти свою любимую к себе. То есть когда представится возможность брака не фиктивного, а эффективного. Тогда – извините. Все по-честному. Светка, конечно, согласилась. Можно подумать, у нее был выбор. Подали заявление, и она переехала к Дементьеву. Он спал на диване, она на раскладушке. Готовить Светка не любила, но сыграло роль южное воспитание – всплыли в памяти мамины борщи с толченым чесноком, салом и галушками, вареники с картошкой. Словом, старалась как могла. А Дементьеву все по кайфу – обед есть, продукты в холодильнике тоже. В квартире прибрано – не идеально, конечно, но ему идеально и не надо, сам порядочная свинья. «Жигули» купил, но через месяц разбил. Чинить было неохота, да и не на что. В общем, бросил во дворе и разрешил дворовым мальчишкам в них хозяйничать, чему они были, естественно, несказанно рады. Со Светкой жили в принципе дружно. Так, собачились по-мелкому, в основном по хозяйственным вопросам: кому мусор вынести, кому за хлебом сходить. У Дементьева не прекращались романы, и иногда он просил Светку перекаптоваться у какой-нибудь подружки. Она вздыхала и нехотя уезжала на день-два. У самой Светки были все время какие-то трагические любовные истории – бурные, кратковременные и непременно дурацкие, из которых она выходила тяжело, с истериками и депрессиями. А однажды оба напились с горя и оказались в койке – обычная история. С той поры периодически Дементьев наклонялся к ее раскладушке, трепал ее, сонную, по плечу, и она, вздыхая, перебиралась к нему на диван. Спать с Дементьевым Светке нравилось: красивое, мускулистое тело, крепкие руки, никаких сантиментов – она не любила все эти нюни и сопли в сахаре. Дементьев был не против бурного и непродолжительного секса, но дальше дело не шло. Ни одного цветочка, ни шоколадки, ни тортика к Восьмому марта.

– Ты потребитель, Дементьев, – укоряла его Светка.

– А ты? – парировал он. – Появись у тебя сейчас какой-нибудь мужик с хатой, через пять минут меня бросишь и не вспомнишь, как звали.

Нет. Это была неправда. В Дементьева она была уже влюблена, если не сказать больше. Но признаться в этом ему – никогда, ни за какие коврижки. Светка была бедная, но гордая. И, как все женщины, надеялась на лучшее: придет он однажды домой, наденет тапки, вымоет руки, съест тарелку борща, поднимет на Светку глаза, задумается и увидит наконец, какая она прекрасная – и женщина, и хозяйка, и любовница, в конце концов. Просто – лучшая Светка на свете. Но ничего такого не происходило. Все было как всегда. И по-прежнему, правда, уже реже, он просил ее съехать на пару дней к подружкам в общежитие. Сволочь, в общем, та еще, что говорить. Но Светка его любила. Даже от любви и ревности хотела от него уйти, чтобы что-то до него дошло. Но не успела – Дементьев влюбился. Познакомился на Красной площади с приезжей девочкой. Девочка с очень серьезным лицом заняла очередь в Мавзолей. Дементьев встал за ней и тихо, но твердо объяснил, что в столице полно более интересных мест, которые непременно стоит увидеть. Жительница маленького городка под Новосибирском стояла насмерть. Дементьев тяжело вздохнул и продолжил маяться в очереди. Вышли из Мавзолея – она с торжественным и скорбным лицом и плотно сжатыми губами, он – с непонятными надеждами и полным недоумением и умилением. «Странная девочка, – думал он. – Неужели такие остались в наше время?»

Дементьев показал ей Москву, Арбат. Предложил пообедать в кафе – она отказалась, ограничились пирожками на улице. Довел ее до дома – она остановилась у родственников на «Войковской». Договорились, что встретятся завтра. Через два дня он проводил ее на вокзал. А еще через две недели улетел к ней, в ее богом забытый городишко, и сделал предложение. Она взяла сутки на раздумье. Эти сутки он валялся в замызганной гостинице и смотрел на часы. Она ровно через сутки позвонила и сказала, что согласна. Дементьев купил у бабульки на улице букет цветов и пошел просить ее руки.

Дверь открыла мама – такая же строгая, с поджатыми губами. Ужина не предложили, шампанского, что он принес, не открыли. Выпили чаю с печеньем «Юбилейное», и будущая теща строго принялась расспрашивать его про квартирные и материальные условия жизни ее дочери в Москве. Когда аудиенция закончилась, в прихожей Олина мать протянула ему свою руку.

Он склонился, чтобы ее поцеловать, а она с возмущением руку выдернула:

– Ну и замашки у вас! Я директор школы и член коммунистической партии!

Оля неодобрительно покачала головой. А он, бедный, совсем стушевался. В гостинице выпил полбутылки водки и даже слегка задумался: а стоит ли игра свеч? Но вспомнил Олины глаза, бездонные, как два холодных озера, ее косу, тонкие белые руки, талию в один обхват и подумал: нет, не зря. Таких девушек в современной Москве нет. Не в смысле внешности, конечно. Договорились, что Оля уволится из детского садика, где она работала методистом, и через месяц, если все будет по-прежнему, приедет в Москву. На вокзале он притянул ее к себе – она поддалась, но сильно покраснела. «Какая, господи!» – подумал он с восторгом и нежностью.

В Москве Светке он сразу ничего не сказал – решил, что успеет. Пусть живет пока. Она по-прежнему варила обеды и пылесосила квартиру, а он по-прежнему ночью торкал ее в плечо, если была нужда. Светка сначала понервничала, а потом успокоилась: все ведь шло своим чередом.

Оля с отъездом тянула: то мама заболела, то на работе подменить некому. Прошло почти три месяца. Он даже слегка успокоился – может быть, не судьба? Но тут пришла от нее телеграмма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.